

— Линь Шичжу.

В этот момент внезапно заговорил старый монах, появившийся словно из ниоткуда, что сильно напугало Линь Яньхуна.

Он прижал руку к груди, чувствуя, как сердце чуть не выпрыгнуло, а старый монах лишь смотрел на него с невинным выражением лица, словно говоря: «Это ты был слишком увлечён, заигрывая с маленьким зверьком, так что не заметил меня».

— Мастер, сегодня вы пришли поздно, — сказал Линь Яньхун.

За несколько дней общения с монахом, хоть они и не обсуждали ничего существенного, он стал чувствовать себя с ним более свободно, поэтому говорил уже не так скованно, как вначале.

Монах покачал головой:

— Не поздно, не поздно. Сегодня я пришёл не рано и не поздно, а как раз вовремя.

Он указал на лежащий на земле путуань, который уже был в плачевном состоянии, и продолжил:

— Этот бедный монах как раз хотел заменить путуань, и теперь у меня есть повод. Очень хорошо, очень хорошо.

Линь Яньхун, который сначала был немного раздражён, теперь, услышав его слова, успокоился и спросил о том маленьком существе, которое только что видел:

— Это волк из гор Ушань или собака, которую держат в храме?

— Какая разница? — Монах поднял путуань с земли и начал его осматривать, совершенно не похожий на того, кто только что говорил о «спокойствии и отрешённости».

Линь Яньхун, услышав этот вопрос, вдруг застыл.

Действительно, какая разница, волк это или собака? Для него это была всего лишь случайная встреча, и неизвестно, увидит ли он это существо снова. Даже если увидит, с его маленьким размером, не так уж важно, кто это — волк или собака.

Но как только Линь Яньхун собирался кивнуть, монах сам ответил на свой вопрос:

— На самом деле, разница есть. Волк, вырастая, может есть только мясо, и его нельзя содержать в храме, а собака может питаться вегетарианской пищей, и её гораздо легче содержать.

Почему-то Линь Яньхун уловил в словах «гораздо легче» нотки горечи и ностальгии.

Но когда он посмотрел на монаха, тот выглядел совершенно спокойным, словно больше не переживал за свой путуань.

— Линь Шичжу, хотите попробовать сплести путуань? — Монах потряс «останками» путуаня в руке, обращаясь к Линь Яньхуну.

«Снова начать всё сначала: прогулки с отцом на рассвете, дальние поездки, самостоятельное окуливание дома, а теперь ещё и плетение путуаней... Жизнь действительно полна

разнообразия и радости!»

Линь Яньхун подумал так, одновременно испытывая любопытство к тому, чего он раньше не пробовал.

И, не знаю, то ли он попал под влияние злых духов, то ли просто от скуки потерял голову, он сел под деревом бодхи вместе с монахом и начал учиться плести путуань из травы.

— Линь Шичжу, здесь нужно прижать это, затем вставить туда, сделать изгиб и завязать узел... Нет, нет, не так. Пожалуйста, внимательно посмотрите: прижмите это, вставьте туда, сделайте изгиб и завяжите узел здесь.

— Линь Шичжу, здесь нужно лучше отрегулировать щель. Если оставить такую большую дыру, вы, сидя на ней, можете коснуться земли, и тогда лучше вообще не плести.

— Линь Шичжу, прошу прощения за прямоту, но ваши движения слишком медленные. Если так продолжать, вы, возможно, не сможете сесть на путуань и через полгода.

— Линь Шичжу, пожалуйста, не сдавайтесь так легко. Как говорится, у того, кто стремится, всё получится. Небеса возложат великую миссию на того, кто...

Человек, которого критиковали и чьи уши уже начинали болеть от наставлений, был почти на грани срыва:

— ...

Он чувствовал, что его поездка в храм Хуайинь на горе Ушань, даже если не принесла никаких новостей о «Воплощении души» и «демонической кошке», всё же не была полностью бесполезной.

По крайней мере, он узнал что-то новое о жизни и закалил свой характер, достигнув более высокого духовного уровня. Даже если он вернётся в резиденцию Линь, то, вероятно, сможет справиться с разговорами с Линь Тунши более легко, чем раньше.

— Линь Шичжу...

— Скажите, мастер, вы ничего не слышали?

— Э? Этот бедный монах не слышал никаких звуков.

— А, тогда, возможно, я просто переживаю. Наверное, это не маленькая лапка царапает ваш только что сплетённый путуань.

— !!!

...

Один день в горах — как тысяча лет в мире.

Линь Яньхун наконец понял, что это значит.

Храм Хуайинь был полон благовоний, и воздух был наполнен ароматом трав и буддийских благовоний. Хотя это были «благовония», их запах приносил необычайное спокойствие и умиротворение.

А ещё были утренний колокол и вечерний барабан, древние и далёкие, монахи, читающие сутры, тихие и спокойные.

— Ау-у, ау-у~

— Прекрати, прекрати!

— Ау-у, ау-у~

— Нельзя, нельзя!

Линь Яньхун вздохнул в душе. Он сидел под деревом бодхи и наблюдал, как волчонок разными способами портит путуань монаха: один был в восторге, а другой — в ярости.

И так повторялось снова и снова: волчонок поднимал лапу, монах умолял остановиться. Та атмосфера мудреца, которая была у монаха вначале, казалась теперь Линь Яньхуну просто иллюзией.

Не выдержав этого зрелища, Линь Яньхун решил, что старику, который каждый день подметает и постоянно плетёт путуани, должно быть тяжело и грустно. Он протянул руку и схватил волчонка за загривок, заставив его успокоиться.

Монах, тяжело дыша, смотрел на «маленького разбойника», который сложил лапки на груди и прижал хвост между ног, и почувствовал, как время берёт своё:

— Эх, если ты будешь продолжать так, я больше не смогу тебя содержать.

Линь Яньхун, услышав это, спросил:

— Разве это не волк храма? У него есть хозяин?

Теперь он уже мог отличить волка от собаки, так что не позволил малышу изменить свою природу.

Он положил немного успокоившегося малыша на траву, позволив ему играть с дикими цветами и травой.

Монах покачал головой:

— Нет хозяина, но есть семья. Хотя, на самом деле, её как бы и нет. Там, где он живёт, полно волков, и это очень опасно. Если туда попасть, от тебя не останется и костей.

Линь Яньхун был немного озадачен, но в целом понял:

— Значит, он не вернётся, а останется в храме Хуайинь? Но вы же говорили, что волки едят мясо и их нельзя содержать в храме?

— Конечно, он вернётся. В конце концов, он волк. Так что пока он может прожить один счастливый день, пусть живёт.

Линь Яньхун заметил, что монах не похож на обычных монахов, которые проповедуют аскезу и спокойствие.

Его отношение к жизни больше напоминало обычного старика, который видел всё в жизни и

поэтому был мудр и понимал.

— Линь Шичжу, вероятно, тоже не сможет долго оставаться на горе Ушань.

Линь Яньхун кивнул:

— Вы правы. Это место, возможно, и является раем, но волк остаётся волком, а я остаюсь собой. Возвращение неизбежно, так что пока я могу прожить один счастливый день, пусть будет так.

Он заметил, как волчонок украдкой прячется за деревом бодхи, выглядывая наполовину.

Когда Линь Яньхун посмотрел в его сторону, малыш быстро спрятался, а затем с другой стороны дерева снова высунул половину головы, продолжая наблюдать.

Его осенила мысль, и он повернулся к монаху:

— Мы всё время называем его «ты». Мастер, вы не хотите дать ему имя?

Монах улыбнулся:

— Этот бедный монах не его хозяин, не его родственник и не человек, связанный с ним судьбой. Как я могу просто так дать ему имя? За это нужно нести ответственность, ответственность на всю жизнь...

— Это всего лишь прозвище, чтобы его было легче называть. Мастер, вы слишком серьёзно к этому относитесь.

Линь Яньхун никогда не держал домашних животных и не растил детей, но он слышал, как няня называла Сюаньцина уменьшительным именем.

Хотя он не хотел признавать этого и верил, что няня любила его и Сюаньцина одинаково, но когда она называла Сюаньцина уменьшительным именем, а его «Хун-эр», Линь Яньхун всегда чувствовал разницу.

Имя — это то, как его называют самые близкие люди, и это сильно отличается от того, как его называют незнакомцы.

— Может быть, Линь Шичжу даст ему имя?

Линь Яньхун сделал вид, что выглядит так, будто монах хочет его подставить:

— Вы же только что говорили, что дать имя — значит взять на себя ответственность на всю жизнь. Почему вы хотите втянуть меня в эту историю?

Монах лишь улыбнулся, не отвечая.

А волчонок, который в одиночку играл с Линь Яньхуном в «ты меня не видишь», начал терять терпение.

Он выглянул из-за дерева бодхи, подбежал к Линь Яньхуну и начал царапать его туфли из многослойной ткани.

Эти туфли сделала Хупо, чтобы защитить его ноги на горных тропах, и она вложила в них

много усилий.

Чтобы труд Хупо не пропал даром, Линь Яньхун схватил лапку волчонка и аккуратно подтянул его к себе, взяв на руки и начав гладить.

Пока он гладил, малыш перевернулся на спину, и Линь Яньхун, взглянув, сказал:

— О, это мальчик.

<http://bllate.org/book/17693/1651301>